

Он прочь пошел неизвестным путем.
Чума его к нам в гости пригласила
И тысячи невинных умертвила.
Пока еще здесь вор сей незамечен.
Но надобно готовиться к той встрече,
Как мне вчера наказывала мать,
А более мне нечего сказать».
«Мальчишка прав, – гостям сказал хозяин, –
Поселок есть вблизи градских окраин –
Чума его так зло опустошает,
Что, кажется, в нем ныне обитает,
И надо жить нам очень осторожно:
Чума перешагнет и к нам, возможно».
«Христовы длани! – закричал буян. –
Когда бы только был к Чуме я зван,
Уж я бы ей пересчитал все кости.
Идем, друзья, и назовемся в гости.
Отыщем смерть, уьем мы кровопийцу,
Невинных душ гнуснейшую убийцу.
Идем же, братья, пусть дарует нам
Победу бог, не то святым мощам
Я поклоняться вовсе перестану,
Коль нечего нам верить в их охрану».
Подняв стакан, он в исступленье пьяном
Клянется двум товарищам-буянам,
Что не покинет их до самой смерти.
«Клянусь, друзья, – кричит он, – мне поверьте!»
Те поклялись, и под руку, втроем
Они покинули веселый дом
И поплелися с песней по проселку
По направленью к чумному поселку.
Чуму бранили, смерть нещадно кляли,
Божбой господне тело раздирали
И похвалялись: смерти, мол, капут
Да и чуму попутно изведут.
Пройдя немногим боле полумили,
Бродягу дряхлого они словили
И стали спрашивать, куда идти,
Чтоб смерть скорее и верней найти.
Старик в ответ стал бормотать невнятно.
Меньшой буян вскричал, что непонятно,
Как можно жить до дряхлости такой
И заедать напрасно век чужой.
Тогда старик повесам так ответил:
«Отсюда и до Индии не встретил
Я юноши, который бы сменил
Расцвет сияющий весенних сил
На мой декабрьский возраст беспросветный.
И потому с терпеньем безответным
Свой крест несу и ожидаю дня,
Когда господь освободит меня.
Увы, я даже смерти не угоден.
И вот бреду, отверженец господень,¹⁷⁴